

ЭГО-ТЕКСТ В КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Козлова О.Д., Кушнина Л.В.

ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», Пермь, Россия (614900, г. Пермь, Комсомольский пр., 29), e-mail: Kozlova_O@inbox.ru, lkushnina@yandex.ru

В статье рассматривается эволюция эпистолярного жанра на материале частного письма как «эго-текста». Авторы подчеркивают необходимость междисциплинарного исследования частного письма с позиции лингвистики, межкультурной коммуникации, социологии, культурологии, лингвокультурологии и других наук. В рамках статьи исследуется феномен эго-текста, который характеризуется жанровым многообразием и включает рефлексивную составляющую. В качестве смысловой доминанты выступает авторское «я», объединяющее личностную культуру и культуру публичности. Авторы приходят к мысли, что если онтологическая сущность частного письма как эго-текста остается неизменной на протяжении веков, то его лингвистические особенности претерпевают существенные изменения. Делается вывод о том, что в эго-тексте происходит переход текстовой культуры письма в разряд текста-знака, функционирующего в культурно-речевом пространстве эпохи.

Ключевые слова: эпистолярный жанр, эго-текст, культура письма, текст-знак, культурно-речевое пространство.

EGO-TEXT IN THE CULTURAL AND DISCOURSE SPACE

Kozlova O.D., Kushnina L.V.

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia (614990 Perm, av. Komsomolsky 29), e-mail: Kozlova_O@inbox.ru, lkushnina@yandex.ru

The article is devoted to the epistolary genre based on the material of a letter as an «ego-text». The authors of the article emphasize the necessity of the interdisciplinatory study of an individual letter within Linguistics, Intercultural Communication, Sociology, Cultural Studies and other sciences. The article is based on the phenomenon of an «ego-text» which is characterized by a genre diversity and includes a reflexive component. The main idea of the study is the author's «ego», uniting individual and public culture. The authors come to the idea that if the ontological essence of an individual letter as an «ego-text» remains the same throughout the ages, its linguistic peculiarities undergo some significant changes. The authors come to the conclusion that an «ego-text» undergoes some conversion from the text culture of a letter into a text sign, which functions in the cultural and discourse space of the epoch.

Keywords: epistolary genre, ego-text, epistolary culture, text-sign, cultural and discourse space.

Практика изучения эпистолярных текстов чрезвычайно разнообразна. Можно говорить о сложившихся традициях исторического, литературоведческого или собственно лингвистического исследования. Последнее предполагает, в частности, стилистический анализ языкового материала, наблюдение над особенностями «устной письменной речи» [1; 4] Замечено, однако, что частное письмо – феномен, нуждающийся в междисциплинарном исследовании. В последнее время изучение эпистолярных текстов привлекает все большее внимание не только лингвистов, но и специалистов в области межкультурных коммуникаций, социолингвистики, сравнительного языкознания. В этом ключе исследование эпистолярных текстов с точки зрения лингвокультурологии, для которой ключевыми являются понятия текста, эго-текста, смысла, знака, представляется весьма актуальным и перспективным.

Эпистолярный жанр – один из древнейших литературных жанров, позволяющий судить не только о системе взаимоотношений человека с миром, но и реконструировать материально-пространственную и историческую среду. Возникший на стыке частной и публичной жизни, жанр письма не имеет жестких границ. С одной стороны, письмо предлагает своеобразный бытовой материал, что позволяет моделировать представление о частной повседневной жизни, её укладе, типах поведения, языке общения. И тем самым расшифровывать скрытые за этими бытовыми деталями культурные смыслы. С другой стороны, жанр письма вписывает человека в сложную систему социокультурных координат и выступает в качестве своеобразного инструмента конструирования личностной культуры и культуры публичности. Это дает некоторые основания отнести жанр письма, наряду с дневниками или мемуарами, к эго-текстам, то есть текстам, имеющим рефлексивную составляющую. В современной научной литературе, исследующей автобиографические эпистолярные практики, можно встретить следующие определения эго-текста: 1) «текст о самом себе, написанный с субъективной авторской точки зрения», «черновик сознания» [8, с. 23]; 2) «лично наполненные тексты культуры, в которых мыслитель концентрирует внимание на собственном Эго» [7, с. 3]. Нельзя не обратить внимание на культурологическую парадигму, в рамках которой определяется феномен эго-текста. Так, по мнению С.И. Митиной, эго-текст может быть определен как «корпус автобиографических текстов, существующий в многообразии жанров, скрепой которых является авторское "Я", выступающее генерирующим центром идей, переживаний и действий» [7, с. 3].

Эпистолярный жанр в полной мере можно отнести к эго-текстам и, помимо рефлексивной составляющей письма, отметить также его исповедальность и диалогичность. Письмо, по мнению Ю. Кублановского, «род невольной исповеди человека перед потомством»; «само – без стилизованных литературных красот – время запечатлено в письме, выхвачен кусок жизни, казалось бы, предназначенный утратиться и вдруг – полуслучайно увековеченный» [5]. Если онтологически письмо представляет собой эго-текст с ярко выраженной рефлексией, то с точки зрения лингвистики письмо – это текст, находящийся на границе устного высказывания и письменной речи. Письмо подобно дневнику, который представляет собой «не текст, а "речь" (что-то вроде устной речи, записанной с помощью особого кода)» [11, с. 258].

Исторически складывающаяся традиция диктовала законы жанра частного письма: свободный стиль, разговорная лексика, доверительность интонации, повышенная эмоциональность и направленность на адресата. Отсюда возможность использования в письме таких риторических фигур, как аллюзия, частная полемика, интимные обращения и риторические вопросы. При этом содержанием письма становится реальность, которая,

проходя ступени авторской интерпретации, наделяется смыслом и приобретает субъективную значимость. Частная картинка становится целостным представлением. Форма письма условно монологична, поскольку включает в себя в качестве контекста фигуру адресата. Правильнее сказать, что письмо, внешне выглядящее как монолог, представляет собой диалогичное высказывание. Оно всегда предполагает собеседника – фигуру Другого. Выбор собеседника определяет личную позицию автора письма: Другой как отраженное Я (Я в другом), или – по Э. Гуссерлю – Другой как отличный от меня (Другой во мне). По мнению А. Ухтомского, существует два типа адресатов: Я – Двойник и Я – Собеседник. «Пока человек не освободился еще от своего Двойника, он, собственно, и не имеет еще Собеседника, а говорит и бредит сам с собою; и лишь тогда, когда он пробьет скорлупу и поставит центр тяготения на лице другого, он получает впервые собеседника. Двойник умирает, чтобы дать место Собеседнику. Собеседник же, т.е. лицо другого человека, открывается таким, каким я его заслужил всем моим прошлым и тем, что я есть сейчас» [15, с. 252]. Таким образом, автор письма сам формирует круг своих возможных читателей. Фигура Другого не единична, поскольку письмо может быть предназначено как для семейного, так и для дружеского прочтения.

Русское частное письмо XIX века складывалось одновременно в двух вариантах: и как сфера бытовой коммуникации, и, говоря словами Густава Шпета, как «философская сфера разговора». Начинаясь обращением «душа моя», «мой ангел» или «любезнейший», письмо часто заканчивалось пожеланиями здоровья всем членам семейства адресата, передачей многочисленных приветов и поклонов. «Поручая себя вашей памяти и дружбе, с искренним почтением и преданностью, ваш покорный слуга» или «храни вас Бог» – эти фразы можно было бы рассматривать как своего рода эпистолярные формулы, которые, однако, в контексте частного письма воспринимались очень лично. В частной переписке доминировали бытовые детали, интимные подробности, придававшие тексту эмоционально-чувственную окраску. Известно, что частная переписка в России XIX века велась как по-русски, так и по-французски. Традиции письма, заложенные Вольтером, Дидро и Ж.-Ж. Руссо, нашли достойное продолжение в отечественной культуре. Так, многие дружеские послания Пушкина, Чаадаева, Тютчева были оформлены в традиции французской словесности. Из письма 1831 года Пушкина Петру Чаадаеву: «Voici, mon ami, celui de mes ouvrages que j'aime le mieux. Vous le lirez, puisqu'il est de moi – et vous m'en direz votre avis. En attendant, je vous embrasse et vous souhaite une bonne année» [9, с. 7]. Минимум информации, изложенный в строках этого письма, позволяет воссоздать модель приятельских и одновременно весьма почтительных взаимоотношений поэта и его адресата. Письма часто оформлялись как бытовой разговор, с присущими ему упрощенными

синтаксическими конструкциями и легким юмором. В письме Пушкина Е. Хитрово (1831) поэт сетует: «Vous avez bien raison, Madame, de me reprocher le sejour de Moscou. Il est impossible de n'y pas s'abrutir. Vous connaissez l'epigramme contre la societe d'un ennuyeux : On n'est pas seul, on n'est pas deux. C'est l'epigraphe de mon existence. Vos letters sont le seul rayon qui me vienne de l'Europe <...>» [9, с. 14].

В ситуации отсутствия единого коммуникативного пространства частное письмо XIX века было полифункциональным. Эпистолярный сценарий, предполагавший в качестве обязательных формул приветствия, пожелания, а также высказывания «о погоде, здоровье, хозяйстве», – не мешал автору включать весьма пространные размышления по поводу исторических, политических или литературных событий, выдавать развернутые философские рефлексии. Так, в письме Ф. Тютчева жене (сентябрь 1855 года) в мозаичное полотно будничных событий вплетаются высказывания политического толка, в частности Восточный вопрос, а в итоге складывается целостное философское размышление о времени. Сам текст письма при этом выступает как «отражение отражения». Автор отражает некий событийный ряд, тем самым отражая в виде эмоциональной реакции на эти события самого себя – Я, и вступает в диалог с Другим – Собеседником. «Самое правильное, моя милая кисанька, это дать времени делать свое дело: оно все унесет и все устроит, а потому лучше всего позволить этому двигателю увлекать себя, оказывая ему как можно меньше противодействия <...>». В следующем фрагменте письма автор переводит разговор с бытового уровня на мировоззренческий. «И тут вдруг меня охватило чувство сна. Мне пригрезилось, что настоящая минута давно миновала, что протекло полвека и более. Что начинающаяся теперь великая борьба, пройдя сквозь целый цикл безмерных превратностей, захватив и раздробив в своем изменчивом движении государства и поколения, наконец закончена, что новый мир возник из нее, что будущность народов определилась на многие столетия, что всякая неуверенность исчезла, что суд божий совершился» [13, с. 172-173]. Так в тексте письма не просто совмещаются временные пласты, а создается мифопоэтическое представление о времени-пространстве, в котором автор чувствует себя современником правнуков. А само письмо превращается в законченное высказывание – текст, отражающий личностную культуру и конструирующий культуру публичности.

Частное послание могло выступать и как мифологема памяти. Описывая живое настоящее, автор письма невольно превращал его в источник воспоминания. Такие письма хранили, неоднократно перечитывали, каждый раз восстанавливая прошлое, утверждая его значимость. При этом, естественно, само прошлое тоже наделялось мифологическими чертами. Темы уже цитируемых писем Тютчева находили продолжение в его поэтическом творчестве. «Она сидела на полу и груду писем разбирала – и, как остывшую золу, брала их в

руки и бросала. Брала знакомые листы и чудно так на них глядела – как души смотрят с высоты на ими брошенное тело...» [13, с. 148]. Язык частного письма обеспечивает коммуникацию Я – Другой. Со временем каждое написанное слово могло приобретать символический смысл. Символ есть знак, через частное представляющий всеобщее. Его функция – обобщение, его прочтение затруднено, поскольку представляет собой интерпретацию. Впрочем, как писал в одном из своих писем Густав Шпет, можно говорить и на разных языках, но надо, чтобы «собеседники понимали языки, которые делают их собеседниками» (из письма Г. Шпета к Н. Игнатовой от 19 февраля 1937 года) [2, с. 422].

В одном из частных писем Г. Шпет замечает: «Главное – что не рассказывается – можно видеть только глазами (и ухо может быть органом зрения, но только когда слышимое входит в него вместе с дыханием собеседника)» (из письма Г. Шпета к М.Г. Поливановой от 23 июня 1936 года) [2, с. 86].

Письма, таким образом, имеют несколько уровней прочтения: знаковый, лежащий на поверхности, и символический, декодируемый в историческом контексте. Связь между означающим и формой его выражения в знаке условна и случайна. Со временем эта форма переходит в разряд стереотипа и закрепляется традицией. Знак выступает как архетип, схема, несущая заданный смысл. Поэтому знаковые формулы и сценарии прочитывается легко. В отличие от символических формул, чье прочтение по определению затруднено и не имеет окончательного смыслового решения.

Обратившись к опыту социологических наук, можно встретиться с наличием целого ряда опорных теоретических оппозиций; в частности, в общей социологии – это оппозиции микро- и макроуровней, индивидуального и коллективного, частного и публичного, личного и общественного. В текстах Дж.Г. Мида есть известная оппозиция «I» – «Me». «Я» – это то, что я думаю о других и о себе, это мой внутренний мир. «Me» – это то, что, по моему мнению, обо мне думают другие, это моя внешняя социальная оболочка, как я её себе представляю. Благодаря значимым символам люди легче представляют последствия своего поведения с точки зрения других и легче адаптируются к их ожиданиям. Чтобы взаимодействовать, люди должны интерпретировать значения и намерения других. Это осуществляется с помощью процесса, который Дж.Г. Мид определил как «принятие роли». Процесс принятия роли предполагает, что индивид путем воображения ставит себя на место человека, с которым осуществляется общение. Через принятие роли индивиды развивают «самость», то есть способность людей представлять себя в качестве объектов своей собственной мысли, что обеспечивает превращение внешнего социального контроля в самоконтроль. В этом смысле частное послание – это всегда своеобразный обмен символами, предполагающий четкое распределение социальных ролей: адресат (получатель) – адресант

(отправитель). Само письмо при этом выступает и как символ, и как определенный жест – поступок.

В культуре Нового времени частное письмо утрачивает двусторонний характер, переходя из сферы приватной в публичную и становясь образцом интеллектуального чтения и общения. Примером тому – «Письма провинциала» Блез Паскаля или переписка Вольтера, «Письма к сыну» Ф. Честерфилда, письма из Франции Д.И. Фонвизина П.И. Панину («Записки первого путешествия»). В русской культуре XX века письмо окончательно закрепляет за собой позиции философского и литературного жанра. В качестве примера можно вспомнить «Zoo. Письма не о любви...» Виктора Шкловского или «Опавшие листья» Василия Розанова. Известно, что в русской, да и в европейской традиции написание писем характеризовало более мужчин, чем женщин. Первой написать письмо для девушки или женщины XIX века означало совершить весьма серьезный поступок: «Я к Вам пишу, чего же боле, что я могу еще сказать. Теперь я знаю, в Вашей воле, меня презреньем наказать...». Эта традиция нарушается, когда за перо берется Марина Цветаева. Широко известна ее переписка с Борисом Пастернаком и Рильке. Согласно завещанию Цветаевой, переписка увидела свет спустя 50 лет, когда «и тела истлеют, и чернила просветлеют, когда адресат давно уйдет к отправителю, когда письма Рильке станут просто письма Рильке – не мне – всем <...>» [10, с. 35]. Так частное письмо выходит за границы повседневности в область профессиональной культуры и заменяет явление смысла (бытовую информацию) на собственно процесс, явление самого языка. Читать такую переписку непосвященному – все равно что читать неподготовленному читателю высокую поэзию. Каждое письмо – поступок. Каждое письмо – символический жест. Обсуждая книгу французских стихотворений Рильке «Vergers», в тексте письма Цветаева сама переходит на язык поэзии – французский: «Parfois elle paraît attendrie/ Qu'on l'écoute si bien,- /alors elle montre sa vie/ et ne dit plus rien» [10, с. 164].

Примерно с середины XX века частная переписка начинает менять формат: на смену закрытому письму, связанному с тайной переписки и запечатанному или вложенному в конверт, приходит открытое письмо – «открытка». За минимумом трафаретно представленной информации: «поздравляю, желаю» тем не менее скрыт повседневный подтекст как свидетельство подлинного времени. Дело в том, что изменение формата письма привело к усилению его эстетической и знаковой функции. Собственно оформлению – картинке – стало уделяться особое внимание. По мере того как сам текст послания превратился в набор ритуальных фраз, картинка перешла в разряд знака. Знак любви и дружеского расположения – изображение цветов на открытке; знак поздравления по случаю юбилейной даты – соответственные числовые обозначения с элементами государственной

символики. Если в былые времена письма хранили и перечитывали, переживая вновь и вновь события прошлого как настоящее, то открытки собирают, коллекционируют, ими обмениваются, их дарят. Текстовая культура письма переходит в разряд предмета-знака.

Сегодня эпистолярная культура переживает очередную метаморфозу: некогда самостоятельный жанр текстового послания заменяется знаком. В гуманитарной науке вопрос о дефиниции знака и символа до сих пор является дискуссионным и не прост в изложении. Согласно русской традиции интерпретации (Юрий Лотман, Алексей Лосев, Михаил Бахтин) и европейской школе семиотики (Ролан Барт, например), знак есть язык культуры. Сегодня не подвергаются сомнению основные тезисы семиотики, согласно которым предназначение знака – кодифицировать и дифференцировать. И какое-то время для носителей этого смысла знак сохраняет свою статичность, неизменность. Постепенно знак обрывает контекст – знаковой системой. Среда бытования знака создается как временными, так и пространственными координатами. Существование знакового языка в истории культуры наглядно демонстрирует те возможности, которые заложены в рамках самой структуры. Знак позволяет манипулировать с ним до определенных структурной пределов. Разрушение этих пределов ведет к изменению формы и соответственно смыслообразования. Знак, ставший больше самого себя, перерастает в понятие, символ, образ или аллегория, но уже перестает быть знаком.

Большой интерес для анализа культуры повседневности представляют смайлики или СМС-сообщения, которые заменили собой традиционную практику письма. Эти знаковые эрзацы полностью игнорируют частную жизнь человека, снимают какой бы то ни было пафос письма иронией и выполняют функцию чистой номинации. Исследования в области спонтанной письменной разговорной речи носят пока фрагментарный характер. Можно отметить статью А. Зализняк «Переписка по электронной почте как лингвистический объект» [3], работу Т.А. Хмелик «СМС как новая форма речевой коммуникации» [16], проект МИОН «Современные письменные практики: новые возможности и социокультурные последствия» [12] и другие работы. Авторы рассматривают интернет-письмо как «переписку в режиме реального времени», исследуют лингвокультурные типажи автора и адресата интернет-пространства, не всегда учитывая при этом традиционный контекст эпистолярного жанра. Письмо, понимаемое как эго-текст, запечатлевший переживаемую реальность, как «отражение отражения», уходит в прошлое. Однако не теряет своих лингвокультурных характеристик и может быть удачно вписано в систему повседневной культуры человека.

Список литературы

1. Глинкина Л. Функционирование языковых единиц в эпистолярном жанре // Функционирование языковых единиц современного русского языка : межвуз. сб. / под ред. Ф.И. Никоновой. – Магнитогорск : Изд-во Магнитогорского пед. ун-та, 1995. – 16 с.
2. Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. – М., 2005. – 719 с.
3. Зализняк А. Переписка по электронной почте как лингвистический объект. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Zalizniak.htm>. (дата обращения: 10.03.2012).
4. Кабанова Т. Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения: на материале рукописных и опубликованных текстов XX в. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dissercat.com/content/epistolnya> (дата обращения: 12.02.2012).
5. Кублановский Ю. Последние годы Густава Шпета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/4/knobos04.html (дата обращения: 10.01.2012).
6. Мид Дж. Г. Избранное : сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. Психологии ; сост. и переводчик В.Г. Николаев. – М., 2009. – 290 с.
7. Митина С. Философский эго-текст: бытие в культуре : автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. – Саранск, 2008. – 43 с.
8. Михеев М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). – М. : Водолей Publishers, 2007. – 263 с.
9. Пушкин А. Собр. соч. Т. 10. Письма 1831–1837. – М., 1962. – 483 с.
10. Рильке, Пастернак, Цветаева. Письма 1926 года. – М., 1990. – 256 с.
11. Ролан Барт о Ролане Барте. – М. : Ad Marginem, 2002. – 258 с.
12. Современные письменные практики: новые возможности и социокультурные последствия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mion.novsu.as.ru> (дата обращения: 12.02.2012).
13. Тютчев Ф. Соч. в 2-х тт. Т.2. – М., 1980. – 350 с.
14. Шпет в Сибири: ссылка и гибель / под ред. Н.В. Серебренникова. – Томск, 1995. – 335 с.
15. Ухтомский А.А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях / отв. ред. А.С. Батуев. – СПб., 1996. – 526 с.
16. Хмелик Т. СМС как новая форма речевой коммуникации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.nbu.gov.ua/portal/natural/vdpu/Movozi/2009_15.../25.pdf

Рецензенты:

Алексеева Лариса Михайловна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь.

Мышкина Нелли Леонидовна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», г. Пермь.